

ЭТНО- КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы
Институт искусствоведения, этнографии и фольклора
имени Кондрата Крапивы

ЭТНО-
**КУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
БЕЛАРУСИ
В ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ**

Минск
«Беларуская навука»
2016

УДК [39+008](476-191.2)
ББК 63.5(4Бел)
Э91

А в т о р ы:

А. Вл. Гурко, Л. В. Ракова, Т. И. Кухаронак, С. Е. Рассадин,
Я. С. Рассадин, С. В. Грунтов, О. А. Мацулько, Л. В. Бохан,
И. В. Романенко, С. Л. Сакума, А. Викт. Гурко,
Ю. С. Прокофьева, Н. С. Бункевич, В. Н. Ярмолинская

Н а у ч н ы й р е д а к т о р:

А. Викт. Гурко

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук В. А. Федосик,
доктор исторических наук В. Г. Шадурский

Монография выполнена по заданию 1.2.05 «Современные этнические традиции Республики Беларусь» в рамках ГПНИ на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», подпрограмма 1 «История и культура».

Э91 **Этнокультурные** процессы Центральной Беларуси в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.] ; науч. ред. А. Викт. Гурко ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Фил. «Ин-т искусствovedения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы». – Минск : Беларуская навука, 2016. – 539 с. : ил.

ISBN 978-985-08-1948-2.

Коллективная работа белорусских этнологов дает комплексное представление об этнокультурных традициях, ранней этнической и этноконфессиональной истории, особенностях материальной (жилище, одежда, традиции питания), социальной (семейные отношения, национально-культурные объединения и новые этнические группы) и духовной (календарные праздники и обряды) культуры населения Центрального региона (Минской области) Беларуси.

Впервые вводятся в научный оборот материалы полевых этнографических исследований, архивные источники. Книга предназначена историкам, краеведам, студентам вузов, организаторам регионального туризма, широкому кругу читателей, интересующихся историей родного края.

УДК [39+008](476-191.2)
ББК 63.5(4Бел)

ISBN 978-985-08-1948-2

© Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы, 2016
© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2016

ВВЕДЕНИЕ

Эта работа является следующим, третьим, изданием из серии «Этнокультурные процессы историко-этнографических регионов Беларуси». Из шести историко-этнографических регионов Беларуси (Поозерье, Поднепровье, Центральный регион, Понеманье, Восточное и Западное Полесье) белорусскими этнологами за первое десятилетие XXI в. комплексно исследованы два региона – Восточное Полесье (2010) и Понеманье (2014). Центральный регион, с точки зрения современного административного деления, соотносится в основном с территорией Минской области.

Этот регион Беларуси имеет этнографическое и регионально-локальное своеобразие, которое в основных чертах сформировалось в XVIII–XIX вв. и сохраняло свои традиционные черты еще в первой половине XX в. Это своеобразие проявлялось во всех сферах духовной, материальной и социальной культуры населения Минщины. Для всестороннего анализа этого богатого духовного и материального наследия и создания обобщающего исследования представлена данная монография.

Этнокультурная история Минщины богата событиями. Первый хронологический этап ранней этнической истории Центральной Беларуси относится к VIII тыс. до н. э. – середине I тыс. до н. э. Более трех столетий земли Минщины входили в состав Полоцкого княжества. К этому периоду относится возникновение самых старых городов Минщины: Заславля (Изяславль) – 985 г.; Минска (Менеска) – 1067 г.; Логойска (Логожеска) – 1078 г.; Борисова – 1102 г.; Слуцка (Случеска) – 1116 г.; Клецка (Клеческа) – 1127 г.

Минск впервые упоминается в «Повести временных лет» под 1067 г. и называется «Меньск», «Менеск». Объединившиеся внуки Рогнеды, сыновья Ярослава Мудрого – киевские князья Изяслав, Святослав, Всеволод Ярославичи – явились под город Менеск в отместку за поход полоцкого князя Всеслава Брючиславича на Псков в 1065 г. Они овладели крепостью Менеском и разгромили войска Всеслава

в Немигской битве. Кровавая битва на реке Немиге 1067 г. описана в «Слове о полку Игореве»: «На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны костями русских сынов». До сих пор историки не пришли к единому мнению, где именно был основан древний Минск: на берегу речушки Менка в 16 км от Минского замка (по мнению историка и археолога Э. М. Загорульского) или на правом берегу реки Свислочь, при впадении в нее реки Немига, для защиты южных границ Полоцкого княжества (гипотеза археологов В. Е. Соболя и В. Г. Штыхова).

Эта часть территории Беларуси является одним из этногенетических центров формирования белорусского этноса. В этническом аспекте основное население этого историко-этнографического региона составляли белорусы, православная часть которых в XIV–XVII вв. именовалась, по данным известного этнолога И. В. Чаквина, «русинами», «русичами», «руссю». В этот период складывается и этническое многообразие населения, которое включало балтов, поляков, татар, евреев, цыган, немцев и др. При этом большинство жителей городов региона в этот период составляли белорусы (до 80%), а остальную часть – представители других этнических групп (20%).

В период XIV–XVII вв. и вплоть до XIX в. ведущую роль в вопросе идентификации в отличие от этнического имели религиозный и социальный факторы. Главным для людей тех исторических эпох был не ответ на вопрос: «Кто ты – белорус, литовец или поляк?», а проблемы несколько иного рода: «Кто ты – православный или католик? Шляхтич, чернец или быдло?» Поэтому этноконфессиональная история помогает осмыслению этнокультурных процессов Центрального региона Беларуси, связанных с историческими этапами становления национальной культуры и самосознания.

Весь исторический период на Минщине наиболее активно из всех регионов Беларуси происходили процессы формирования белорусских религиозных традиций, которые отражались, в свою очередь, на процессах формирования этнического самосознания. Об этом свидетельствуют следующие факты конфессиональной истории региона: публикация первых белорусскоязычных изданий в типографиях на Минщине, как, например, «Катехизиса» Симона Будного в Несвиже; попытки ввода белорусского языка в богослужение в Костеле и издание белорусскоязычной религиозной литературы в конце XIX – начале XX в., а также активные процессы белоруссизации Православной и Католической церкви на протяжении всего XX в., которые продолжаются и в настоящее время. Это оформление Собора белорусских православных святых; канонизация 23 священников Минской епархии; канонизация белорусских католических святых Минской диоцезии; проведение богослужений на белорусском языке в церквях и костелах; издание белорусскоязычной богослужебной литературы и т. д. Одним из последних по времени элементов формирования национальной церкви можно назвать разрешение в приходах Минской епархии Белорусской Право-

славной церкви читать паремии, Апостол и Евангелия в храмах и на белорусском, и на русском языках, а также строительство и освящение Всехсвятского храма-памятника в Минске в 2010 г., который символизирует межконфессиональное согласие.

По состоянию на 1 января 2015 г. в Минской области зарегистрированы 684 религиозные общины 13 вероисповеданий: 363 православных, 96 римско-католических, 136 Христиан веры евангельской, 50 Евангельских христиан-баптистов, 11 Христиан полного Евангелия, 10 Адвентистов седьмого дня, 6 мусульманских, 4 иудейских (3 ортодоксального и 1 прогрессивного иудаизма), 3 Свидетелей Иеговы, 3 старообрядческих, по одной общине Греко-католической и Новоапостольской церквей. Центральное расположение региона в настоящее время определило и то, что Минск стал местом проведения многочисленных межконфессиональных и общецерковных мероприятий для всех религиозных организаций Беларуси.

Сегодня Минская область – это территория с полиэтничным составом населения. По данным переписи населения 2009 г., большинство жителей области отнесли себя к коренной национальности белорусы – 88,5%, русские – 7,1, поляки – 1,3, украинцы – 1,2, евреи, татары, азербайджанцы, армяне и цыгане – по 0,1%.

На территории Минской области зарегистрированы 30 национально-культурных объединений, созданных представителями шести этнических групп, и два образовательных объединения ОО «Польска Матеж школьна» в городах Вилейка и Воложин. На территории Минщины действуют: Минский областной отдел Общественного объединения «Союз поляков на Беларуси», в девяти районах области созданы районные, городские и сельские отделы общественного объединения «Союз поляков на Беларуси», 17 первичных организаций; 4 культурно-просветительских еврейских объединения (в городах Борисов, Молодечно, Слуцк, Солигорск); 2 греческих объединения в г. Молодечно (Республиканское общественное объединение греков «Пелопоннес» и Белорусское молодежное общественное объединение греков «Аргонавт»); 3 объединения украинцев – общественное объединение украинцев «Обрий» в д. Колодищи Минского района, культурно-просветительское общество украинцев «Краяны» в г. Молодечно и Марьиногорская городская организация украинцев «Черемшина» в г. Марьина Горка Пуховичского района; Минское областное и Молодечненское городское отделения Республиканского общественного объединения «Русское общество»; Общественное объединение «Белорусская цыганская диаспора» в пос. Лесной Минского района.

За время существования независимого государства изменилось количественное соотношение некоторых этнических групп. Многие представители этих этнических групп занимают высокие статутные позиции в социальной структуре, экономике, политике и культуре современной Беларуси. Представители разных этнических групп вступают в соседские, дружеские и даже родственные контакты. В настоящее время в столичном регионе

и Минске происходит усиление этнокультурных контактов, рост числа смешанных семей. Заключается большое количество смешанных (белорусско-русских, белорусско-польских, белорусско-украинских, белорусско-еврейских) браков. По официальным данным, в настоящее время каждый четвертый брак в Минске заключается с иностранным гражданином. Эти процессы идут на фоне характерной для белорусского общества толерантности и сопровождаются определенной модификацией этноса. Наблюдаются процессы «местной» ассимиляции, когда представители других этносов меняют свою этническую принадлежность (русские, евреи, татары, поляки).

Кроме этнических групп или сообществ, представленных на территории Беларуси длительный исторический период, в последние десятилетия характерно появление новых этнических групп, связанных как с трудовой миграцией, так и с миграцией населения из очагов конфликтов. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, за последние 10–15 лет в связи миграционными процессами отмечается рост этнической группы китайцев, численность которых на территории Беларуси выросла более чем в 20 раз, арабов – в 2,7 раза, туркмен – в 2,3 раза. Большая часть иммигрантов остались жить и работать в Центральном регионе Беларуси и Минске.

Минская область характеризуется очень активным притоком мигрантов. За период с 2007 по 2010 г. в Минскую область на постоянное место проживания прибыли 9498 человек, в том числе в 2010 г. – 2359.

Для столичного города Минска характерны самая высокая плотность населения в Беларуси (6000 человек на 1 км²) и рост численности населения по сравнению с другими регионами. Так, за 2011 г. население города увеличилось на 21 тыс. человек. Причем население Минска увеличилось за счет миграционного притока на 18 тыс. человек, в том числе за счет притока населения из других областей – на 17,5 тыс. человек. По всем остальным регионам, кроме Минска, в 2011 г. зафиксировано отрицательное миграционное сальдо.

В 2011 г. была принята Программа демографической безопасности Минской области на 2011–2015 гг., которая включала ряд мер, направленных на оптимизацию миграционных процессов, внешней миграции. В интересах развития Республики Беларусь запланировано активное привлечение иностранных мигрантов в сельскую местность и в районы с недостатком рабочей силы. В области регулирования внешней миграции приоритетным должно стать сохранение положительного сальдо за счет увеличения объемов иммиграции из стран ближнего зарубежья, в первую очередь соотечественников, и сокращения оттока населения. Не менее важная задача – предотвратить отток интеллектуальной элиты из страны.

Все эти проблемы нашли отражение в представленной монографии, в которой этнологами охарактеризованы важнейшие аспекты культуры, этнической истории, демографические и миграционные процессы; особенности материальной (орудия труда, особенности застройки и построек,

костюма), социальной (семейные и общественные отношения) и духовной (конфессиональные процессы, праздники, обряды, обычаи, фольклор) культуры населения Минской области. Кроме классической структуры (материальная, социальная и духовная культура) монография имеет дополнительную главу «Новые этнические группы, миграционные процессы, национально-культурные объединения Центральной Беларуси». Исследователями был осуществлен сравнительный этнологический анализ миграционных процессов, характеристика социально-правового положения мигрантов, характер процессов их адаптации в этнодемографической среде и социально-экономической структуре Минщины.

Этнокультурные процессы в Центральном регионе исследовали русские и белорусские этнологи, фольклористы, демографы, религиоведы: конца XIX – начала XX в. – Е. Романов, Е. Карский, В. Носевич, А. Бекаревич, Д. Шендрик, М. Довнар-Запольский, Е. Тышкевич; современные исследователи – В. Бондарчик, М. Пилипенко, А. Локотко, И. Чаквин, А. Викт. Гурко, Л. Ракова, А. Курилович, Т. Кухаронак, В. Титов, В. Белявина, Г. Касперович, Г. М. Шахотько и др.

Проблемы изучения обрядово-праздничного питания Центральной Беларуси рассматривались такими исследователями народной культуры и быта XIX – начала XX в., как Е. П. Тышкевич, П. В. Шейн, Е. Р. Романов, А. К. Киркор и др. Некоторые аспекты данной проблематики в XX в. продолжили изучать И. П. Корзун, В. С. Титов. В XXI в. вопросы национальной кухни исследуют Г. М. Курилович, Т. А. Новогродский и др. Интересные сведения о традиционном костюме Центральной Беларуси можно найти в работах исследователей второй половины XX в. – М. Романюка, М. Гринבלата, Л. Молчановой, М. Винниковой, Л. Раковой, В. Белявиной, В. Лобачевской, Л. Домненковой, И. Смирновой и др.

Проблемы становления и формирования религиозных традиций в Центральном регионе Беларуси затрагиваются в трудах историков церкви (Макария, А. Мартоса, Е. Голубинского, Е. Поселянина, С. Рункевича, Н. Янчука, М. Радвана, Г. Шейкина, Ф. Кривоноса и др.), а также в ряде работ историков, филологов, фольклористов как современного, так и прошлых периодов (Н. Анимелле, А. Киркора, П. Шпилевского, А. Богдановича, Я. Борщевского, М. Федоровского, Е. Карского, Ч. Пяткевича, А. Смолича, М. Пилипенко, А. Викт. Гурко, А. Вл. Гурко, Г. Касперович, И. Чаквина, Т. Кухаронак, Л. Соловей, В. Василевича, А. Ненадовца, В. Сысова, А. Лозки, В. Федосика, В. Григорьевой, А. Филатовой, С. Подокшина, Е. Прокошиной, В. Новицкого, В. Завальнюка и др.). Кроме этого, во всех представленных разделах проанализированы материалы СМИ и Интернета.

Созданию данной монографии предшествовали этнологические исследования, проведенные в 2011–2015 гг. Это результат работы сотрудников отдела народоведения Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси по выполнению задания 1.4.06. «Этнокультурное развитие Республики Беларусь» в рамках ГПНИ на 2011–2015 гг.

«История, культура, общество, государство» подпрограммы № 1 «История, духовная и материальная культура белорусского народа». Кроме этого, в работе использованы результаты международного проекта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) и Румынской академии наук «Китайские традиции в современной культуре Беларуси и Румынии: влияния и заимствования», а также проекта БРФФИ «Особенности адаптации народов Средней Азии в Беларуси».

Коллективная монография состоит из 8 глав. В первой главе «Ранняя этническая история Центральной Беларуси» (авторы С. Е. Рассадин, Я. С. Рассадин) рассматривается этническая история Минщины, осуществляется реконструкция палеоэтнических реалий эпох ранней и поздней первобытности, древности, а также Средневековья на основе исторических (письменных), археологических и популяционно-генетических источников.

Во второй главе «Этноконфессиональная история Центрального региона Беларуси» (автор А. Вл. Гурко) дан обзор особенностей и тенденций развития этноконфессиональной истории Минщины начиная со Средневековья и до современности; выделены региональные особенности в развитии религиозных организаций; охарактеризована современная конфессиональная структура исследуемого региона; обозначено место религиозных организаций в современных этнических процессах, социально-культурной системе общества, жизни населения Центрального региона Беларуси.

В третьей главе «Материальная культура Центральной Беларуси» (авторы С. В. Грунтов, Л. В. Ракова, О. А. Мацулько, Л. В. Бохан, Н. С. Бункевич) впервые комплексно представлены особенности историко-культурного ландшафта, костюма и головных уборов, традиций питания населения Минской области в конце XIX–XX в.

В четвертой главе «Праздники, обычаи и обряды народного календаря Центрального региона (Минщины)» (автор Т. И. Кухаронак) осуществлено комплексное описание календарных праздников, обычаев и обрядов как части этнической и культурной жизни региона.

В пятой главе «Этнодемографическая характеристика населения Центральной Беларуси на советском и современном этапах» (автор И. В. Романенко) охарактеризованы изменения представлений о браке и семье в советское и настоящее время. Проанализированы межнациональные браки, количественный состав семьи, рождаемость, браки и разводы в г. Минске и Минской области.

В шестой главе «Семья и семейные традиции в Центральной Беларуси в XIX – XX вв.» (автор Л. В. Ракова) дан обзор традиционных семейных отношений, рассматривается опыт традиционной семьи Центрального региона, ее основных функций, а также структурных и функциональных изменений во второй половине XIX – середине XX в.

В седьмой главе «Новые этнические группы, миграционные процессы, национально-культурные объединения Центральной Беларуси» (авторы А. Вл. Гурко, А. Викт. Гурко, С. Л. Сакума, Н. С. Бункевич, Ю. С. Прокофье-

ева) представлен комплексный этнологический анализ миграционных процессов в Минске и Минской области. Проведено исследование китайских традиций в контексте культуры белорусского этноса, процессов культурной (жилая, религиозная, бытовая, духовная, обрядовая) адаптации мигрантов из Средней Азии к условиям проживания в Минской области, их интеграции в современное белорусское общество.

В восьмой главе «Театральная культура Минска» (В. Н. Ярмолинская) на основе анализа архивных и историко-искусствоведческих материалов дается представление о театральной культуре в Минской области с 1920-х гг. до настоящего времени.

Монография имеет научную новизну, так как современные этнокультурные процессы в данном регионе ранее рассматривались лишь фрагментарно и нуждаются в комплексном представлении. Актуальность темы очень значительная, так как в современных условиях возрастает значение народного культурного наследия. Положительный опыт функционирования и развития традиций народной культуры имеет исключительно важное значение для современного национального строительства. Глубокое исследование этого опыта также содействует развитию межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений, достижению стабильности и развитию белорусского общества.

Разделы монографии основываются на богатом эмпирическом материале: этнографических и фольклорных экспедициях, архивных и музейных материалах, материалах региональных периодических изданий. В оформлении книги использованы фотографии из личных архивов авторов, иллюстрации из фондов музеев и библиотек.

Авторы книги признательны за помощь в сборе материала сотрудникам Национального архива Республики Беларусь, Минского государственного областного архива, сотрудникам Аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь и Республиканского центра национальных культур.

Представленные на страницах монографии материалы могут быть полезны историкам, краеведам, студентам вузов, организаторам регионального туризма, широкому кругу читателей, интересующимся историей родного края.

1

**РАННЯЯ
ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
БЕЛАРУСИ**

*С. Е. Рассадин,
Я. С. Рассадин*

О проблеме и ее предполагаемом решении. Попытки написать этническую историю Беларуси предпринимались неоднократно. Первая периодизация фактически была предложена еще в самом начале XX в. «Каменный человек здесь, – писал Е. Р. Романов, – был сменен каким-нибудь финном, его, в свою очередь, заменил литвин, а место последнего занял славянин» [73, с. 1]. Под «литвинами» в данном случае подразумеваются древние балты, их еще в 1940-е гг. продолжали именовать просто «литовцами» [51, с. 25]. Интересно, что и в конце XX в. были названы практически те же самые, что у Е. Р. Романова, исторические предшественники славянства в нашем крае, а именно – финно-угры и балты. Предложенный Э. М. Загорюльским вариант этноисторической периодизации также в своей основе довольно близок к вышеприведенному: «Есть все основания говорить, – пишет он, – что в этнической истории населения Белоруссии имеется несколько особых периодов, которые можно расположить в таком порядке. Древнейший период связан с появлением на территории Белоруссии первых людей и формированием этнических общностей, предшествующих широкому расселению здесь индоевропейцев. Археологически он совпадает

с каменным веком и условно может быть назван доиндоевропейским. Второй период начался с расселения на ее территории индоевропейских племен. Он совпадает с эпохой раннего металла – бронзовым и ранним железным веками – и характеризовался преобладанием балтийского этнического элемента. В конце эпохи первобытно-общинного строя господствующим этническим массивом становятся здесь славяне. В общественно-историческом плане этот период отмечен сложением крупных племенных союзов (соплеменностей), предшественников новой исторической категории – народности, и оформлением восточной ветви славянства» [30, с. 23–24].

Автор широко известной монографии исходил тогда из положения, что, по крайней мере, в ряде случаев этническую принадлежность носителей археологических культур можно определить на основании одних лишь археологических данных. Археология, особенно археология дописьменной эпохи, и представлялась, собственно говоря, этнической историей. Например, одна типично археологическая монография именовалась, практически вопреки своему содержанию, «Этнической историей Волго-Окского междуречья» [13]. В другой, посвященной заведомо лишенному каких-либо пись-

менных источников среднекаменному веку, читаем: «Таким образом, в лесной зоне Восточной Европы в бассейнах рек верхнего Днепра, Десны, верхней Волги, Оки на границе плейстоцена – голоцена сложилась реальная, конкретная этническая общность с четкими границами ареала распространения. На сегодняшний день здесь известно около 80 однокультурных финально-палеолитических и мезолитических памятников, родственность которых подчеркивается большим сходством кремневых комплексов, что проявляется в форме первичной и вторичной техники обработки кремня, тождестве ряда групп орудий»; «Население памятников Аносоро, Берестеново стало непосредственной генетической основой гренокской культуры, сложившейся в Верхнем Поднепровье в конце плейстоцена – начале голоцена. Эти памятники образовали первую, наиболее раннюю группу гренокской культуры», и т. п. [44, с. 38, 78].

Таким образом, применительно и к центральной части Беларуси оказалось проигнорированным одно авторитетное высказывание, явно заслуживающее внимания и в настоящее время. Б. А. Рыбаков задолго до публикации данной монографии решительно протестовал против самого понятия «генетической преемственности» в применении к археологическим материалам – глиняной посуде, топорам и погребальным сооружениям и т. д., предлагая в принципе исключить подобные «родственные связи» горшков, застезек и пр. [74, с. 141].

Однако до сих пор многие ученые считают, что именно доказательство «генетической связи» определенной археологической культуры с той, этнический характер носителей которой известен, позволяет достоверно установить соответствующую принадлежность также и для первой. Примем во внимание, к примеру, следующее. Традиция кувшинных погребений, известная на территории Азербайджана с середины I тыс. до н. э., сохранялась там вплоть до VIII в. включительно [62, с. 182]. Между тем при сохранении очевидной преемственности материальной культуры раннесредневековой кавказской Албании этнос и язык едва ли не основной массы ее населения менялся не один, а несколько раз – последовательно в процессе арменизации, иранизации, тюркизации. Что до «застезек», то до сих пор неотъемлемой частью славяно-русской археологии считаются украшения, зачастую воспринимаемые как «этноопределяющие». Известно, что, к примеру, многолучевые височные кольца считаются индикатором определенно славянской племенной принадлежности еще со времен А. А. Спицына [93, с. 110]. Однако археологической практикой эти априорные представления нередко опровергались: в одном погребении находили два совершенно разных «паспорта» этнической принадлежности. Так, на костяке одного из погибших при разгроме в 10-е годы X в. древнерусского Супрутского городища (РФ, Щекинский р-н Тульской обл.) было найдено, во-первых, славянское ажурное пятилучевое кольцо и, во-вторых,

скандинавская по типу гривна из железного перекрученного дрота [36, рис. 1:6; 14, с. 96]. Согласно Л. Т. Яблонскому, в свое время собственноручно их расчищавшему, там находились скелеты женщины с двумя детьми, а украшения – височные кольца, железная гривна, а также шумящие подвески финно-угорского типа – были именно на ней, а не на ребенке. Выходит, что установление этнической принадлежности по подобным украшениям, по крайней мере в ряде случаев, затруднительно.

Тот факт, что археология вовсе не тождественна этнической истории, интуитивно понимался издавна, потому-то, очевидно, на помощь ей пытались и до сих пор пытаются привлечь другие науки. При этом нельзя было обойти вниманием бурно развивающуюся в настоящее время популяционную генетику человека. Например, на основании исследования ДНК одного из погребенных в испанской пещере Ла Бранья-Аринтеро генетика дала нам представление о темном цвете кожи мезолитического населения юго-западной Европы [100, р. 225–228]. Однако что бы то ни было поведать об этносе того же самого населения она, к сожалению, не в состоянии.

По-видимому, в отношении этой чрезвычайно важной науки иметь завышенные ожидания не стоит, поскольку генетическая и этническая принадлежность не тождественны в принципе. Приведем такой пример. Генетиками установлено, что Y-гаплогруппа E1b1b1-M35 наиболее распространена среди албанцев, особенно косовских, 44% которых принадлежит именно к ней. Однако

второй центр концентрации той же самой гаплогруппы расположен на п-ве Пелопоннес, где она фиксируется у тех же 44% современного греческого населения. Но это население, будучи генетически связанным главным образом с албанскими переселенцами XIII–XIV вв., по своему этническому сознанию – настоящие Έλληνες, считающие своими прямыми предками Гомеровых ахейцев, греков классической эпохи, византийских ромеев [72, с. 141–145].

Значение антропологии для ранней этнической истории Центральной Беларуси, очевидно, близко к нулю, поскольку на этой территории погребения вплоть до раннего бронзового века пока что вовсе не известны. К эпохе ранней бронзы здесь относится несколько погребений, которые практически не предоставили антропологических материалов – были разрушены в ходе земляных работ при своем случайном обнаружении или в них находились практически не пригодные для основных определений костные останки из-за обряда трупосожжения [37, с. 115, 119, 121].

Отсутствуя практически на протяжении всего I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э., единичные трупосожжения на этой территории вновь появляются лишь в начале средневековья, хотя в центре Беларуси практиковались какие-то неизвестные погребальные обряды, не предусматривавшие, по-видимому, захоронения останков в земле. Что касается этнографии, то некоторые ее элементы, традиционно считавшиеся этноопределяющими, наподобие упомянутых выше украшений,

таковыми, на поверку, также не оказались. К примеру, змеиный культ, наличие которого у белорусов ранее интерпретировалось исключительно как проявление именно балтского субстрата, на самом деле имеет общеиндоевропейское и, в частности, славянское, происхождение [67, с. 157–161].

Особые надежды археологами возлагались на лингвистику, в частности, на гидронимику. Обширный ареал балтийских гидронимов был еще в 1950-х гг. сопоставлен Х. А. Морой с «культурой боевых топоров», датированной тогда рубежом III – II тыс. до н. э. [56, рис. 1, 2]. Отечественной археологической наукой эта идея с энтузиазмом была поддержана Э. М. Загорульским. «Безусловное господство балтийской гидронимики на территории Белоруссии и в некоторых смежных областях дает право ставить вопрос о связи ее с носителями культур боевых топоров этого региона или с их потомками», – сказано в его известной монографии [30, с. 43–44]. Тридцать лет спустя, когда были откорректированы как название, так и хронология соответствующих древностей, им же было повторено практически то же самое: «В середине III тыс. до н. э. ...возникла среднеднепровская культура. На рубеже III и II тыс. до н. э. после почти пятисотлетнего обитания в Среднем Поднепровье носители этой культуры начали быстро расселяться в северном направлении и скоро заняли обширные пространства от Вислы на западе до верховьев Оки и Волги – на востоке. Освоенная ими территория совпадает с ареалом

балтской гидронимии. Это и послужило одним из оснований атрибутировать среднеднепровские племена или их потомков с древними балтами» [31, с. 159]. Очевидно, однако, что эти доводы далеко не всем показались достаточно убедительными. Вскоре после Э. М. Загорульского М. М. Чернявским тот же самый фонд названий водных объектов был сопоставлен с древностями не бронзового, а еще и каменного века. Он писал, в частности, следующее: «выклікае цікавасць факт, што ў канцы неаліту (на мяжы III і II тыс. да н. э.) помнікі нёманскай культуры і роднасных ёй культур – днепраданецкай (позні этап), верхнедняпроўскай, нарвенскай (позні этап), паўночнабеларускай (ранні этап) амаль поўнасю запаўняюць арэал распаўсюджання балцкай гідраніміі» [88, с. 81].

Дело в том, что гидронимы, за некоторыми довольно немногочисленными исключениями, практически невозможно точно датировать. Не исключено, что какая-то часть балтских названий, о которых идет здесь речь, возникла отнюдь не в глубокой древности, а значительно позднее эпохи камня, бронзы или даже раннего железа. Так, по мнению А. П. Непокупного, в некоторых частях Беларуси балтизмы возникли вследствие колонизации времен Великого Княжества Литовского [59, с. 164]. Кстати, самими лингвистами вполне недвусмысленно выражался протест против некорректного использования их выводов археологами. Например, такой авторитет, как Ф. П. Филин, в свое время высказался следующим образом: «На-

ложения” археологических культур на реконструируемые лингвистические территории и обратные “наложения” не могут дать каких-либо надежных результатов, так как современная археология восстанавливает историю материальной культуры древнего населения, а не этническую его историю» [84, с. 25]. К сожалению, это авторитетное мнение по-прежнему продолжает игнорироваться. Так, к примеру, исходя именно из «методологического принципа соотнесения материальной (археологической) культуры и культуры этноса, реконструируемой по данным языка», пытаются, в частности, реконструировать этнокультурные процессы Северного Кавказа III – II тыс. до н. э. [60, с. 204]. Неучтенное, к сожалению, в свое время нашими коллегами это авторитетное мнение является очень важным для рассматриваемой здесь проблемы.

Очевидно также, что, как в современности, так, по-видимому, и в древности, лингвистическое сознание отнюдь не всегда совпадало с сознанием этническим. Проиллюстрируем это цитатой Н. А. Янчука. «Спросите, – писал он в конце XIX в., – какую-нибудь мешанку, кто она такая, она ответит – полька; откуда родом? – она ответит: из Литвы; как говорят в доме? – по-литовски, сама же она говорит по-польски. А между тем по более точным сведениям оказывается, что она настоящая белоруска, и ни она сама, ни ее родные ни слова не знают по-литовски, а преспокойно говорят по-белорусски» [98, с. 67]. Получается, что использование гидронимии, на которое археологи так рассчитывали, теоретически было

в состоянии помочь как-то представить лингвистическое, а отнюдь не этническое сознание древнего населения.

Последовательное изменение во времени этнического сознания населения и составляет, по нашему мнению, содержание этнической истории той или иной территории. Предлагаемое определение опирается на предложенное Л. Н. Гумилевым базовое понятие: «Итак, этнос – коллектив особей, выделяющий себя из всех прочих коллективов. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда – нет. Вынести за скобки мы можем только одно – признание каждой особью: “Мы – такие-то, а все прочие – другие”» [15, с. 102–103]. Возможно, истина скрыта в других словах великого российского историка: «В XX в. мы иногда встречаемся со слепой верой в могущество археологических раскопок, основанной на действительно удачных находках в Египте, Вавилонии, Индии и даже в горном Алтае, благодаря которым удалось открыть и исследовать позабытые страницы нашей истории. Но ведь это исключение, а по большей части археолог должен довольствоваться черепками, поднятыми из сухой пыли раскаленных степей, обломками костей в разграбленных могилах и остатками стен, высотой в один отпечаток кирпича. А при этом еще надо помнить, что найденное – ничтожная часть пропавшего. В большинстве районов Земли не сохраняются

почти все нестойкие материалы: дерево, меха, ткани, бумага (или заменявшая ее береста) и т. п. Никогда не известно, что именно пропало, а считать пропавшее не существовавшим и не вводить на это поправки – ошибка, приводящая заведомо к неправильным выводам. Короче говоря, археология без истории может ввести исследователя в заблуждение» [15, с. 45–46]. Примат, применительно к данной проблеме, именно исторических, письменных, источников, действительно, вполне очевиден. Ведь именно они как раз и фиксируют восприятие уникальности того или иного этноса. Например, Геродот в своей «Истории» писал: «андрофаги, племя особое и совсем не скифское» [18, с. 106–107].

Получается, что этническую историю Центральной Беларуси как таковую возможно проследить, в принципе, лишь со времени появления соответствующих письменных известий. Эту, разумеется, приблизительно дату определить довольно просто, поскольку названные выше Геродотовы андрофаги и даже их «царь Андрофаг» упоминаются в связи с событиями скифо-персидской войны 512 г. до н. э. [68, с. 60]. В данном случае внешние греко-римские исторические источники дополняются соответствующими оригинальными восточнославянскими начиная с VI в. н. э. Это и есть, по выражению Б. А. Рыбакова, самая глубокая дата «Повести временных лет» [75, с. 85]. В самой ранней, недатированной, ее части речь идет, в том числе, и о населении Центральной Беларуси: «а друзии съдоша межи Припѣтью и Двиною и нар(ѣ)кошася

Дреговичи» [47, с. 3]. Очевидно, что взамен прежних периодизаций, необоснованно подчиненных археологии, требуется предложить для ранней этнической истории Беларуси, включая, разумеется, также и центральную ее часть, принципиально иную периодизацию, на этот раз основанную именно на письменных источниках. Итак, первый, самый протяженный хронологический этап, – это этап, к сожалению, отсутствия достоверных исторических известий. Второй хронологический этап, с VI в. до н. э., – этап наличия внешних, греко-римских известий. И, наконец, третий хронологический этап обеспечен оригинальными восточнославянскими (летописными Несторовыми) известиями – с VI в. н. э. Последовательное ее рассмотрение в соответствии с названными этапами и представляется верным путем реконструкции достоверной ранней этнической истории интересующего нас региона.

Первый хронологический этап ранней этнической истории Центральной Беларуси (VIII тыс. до н. э. – середина I тыс. до н. э). Постоянное заселение Центральной Беларуси началось, по-видимому, еще в пребореале – бореале, т. е. в геологические периоды непосредственного после эпохи оледенения. Во всяком случае, в Минской области стоянка 1 возле д. Гута Березинского р-на датируется VIII–VII тыс. до н. э., т. е. как раз бореалом. Стоянки около деревень Чижиха того же Березинского и Гливин Борисовского районов датируются, соответственно, VII и VI–V тыс. до н. э. [44, с. 19]. Мезолитический комплекс, который вы-

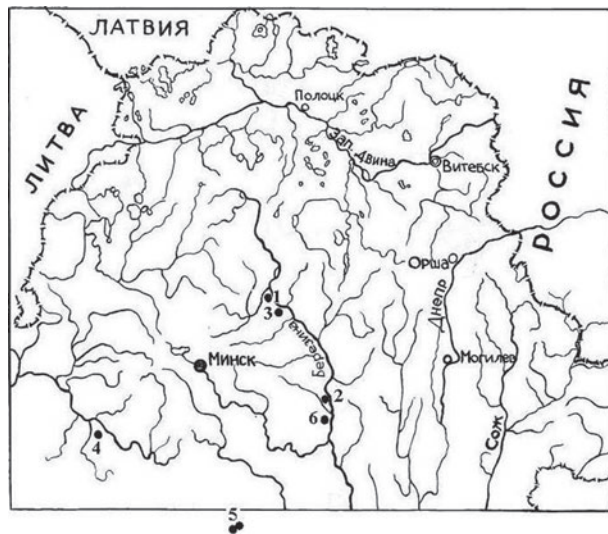
деляют на поселения 1 около д. Озерное Любанского р-на, датирован VIII–V тыс. до н. э. [4, с. 24–25]. Раннемезолитические материалы с поселения 12 около д. Дрозды Столбцовского р-на также относят к VIII–V, а позднемезолитические – к VI–V тыс. до н. э. соответственно [35, с. 301] (рис. 1).

К этой же эпохе, может быть, принадлежат данные не только археологии, но и генетики. Во всяком случае, по мнению отечественных генетиков, возникновение выявленной у белорусов гаплогруппы R1a1a7 (M458) также может быть датировано приблизительно VIII–VI тыс. до н. э. Географическое распределение данной гаплогруппы может быть обусловлено расселением в доисторическое время по рекам в направлении Неман – Случь – Припять [45, с. 47–51]. По нашему мнению, если только такое распределение данной гаплогруппы не связано с другой миграцией, также с северо-запада на юго-восток, но происходи-

вшей уже на рубеже, то его можно было бы сопоставить с археологически фиксируемым переселением носителей культуры Лингби (Бромме) ледниковой эпохи. В позднеледниковый период дриаса наступило похолодание, в результате которого лесотундра и тундра из Прибалтики сместилась в Полесье и даже в Прикарпатье. Вслед за своей холодолюбивой добычей двинулись на юг также и лингбийские охотники [4, с. 34]. Их миграция, по-видимому, должна была пройти через центральную часть современной Беларуси.

Как видим, все это к собственно этнической истории имеет, конечно, лишь весьма косвенное отношение. Однако, может быть, письменные источники в эпоху ранней первобытности естественно, отсутствовавшие, могут хотя бы частично заменить какие-то другие? Известно, что, по выражению Ч. Лоукотко, «во мраке предистории» уже существовали устоявшиеся способы гра-

Рис. 1. Мезолитические памятники Центральной Беларуси (по В. П. Квендзову, с дополнениями): 1 – Гливин; 2 – Городище 2; 3 – Гута 1; 4 – Дрозды 12; 5 – Озёрное 1; 6 – Чижиха

фической фиксации информации, имевшие характер рисуночного письма, – пиктограммы. Конечно, на современном этапе трудно установить, имеем ли мы дело с чистым рисунком или с письмом, сообщением, тем более, что зачастую наблюдалось смешение обоих, как, например, в Альтамире. Тем не менее Ч. Лоукотко настаивал: «Правы, однако, те исследователи, которые видят в пиктограммах первую ступень в развитии письма» [49, с. 21, 26]. Одну из таких пиктограмм, вероятно, представляет собой изображение на крупной птичьей кости, выявленное на поселении Озерное 2Б, находящемся теперь на дне оз. Вечера в Любаньском р-не Минской обл. На ней тонким кремневым инструментом в боковой проекции был вырезан стремительно бегущий лось с массивной мордой, длинной шеей, тонкими ногами и торчащим хвостиком (рис. 2). Согласно Н. Н. Кривальцевичу, по технике выполнения данное изображение аналогично мезолитическим, известным в Циркумбалтийском регионе и Северной Европе. Свою собственную находку он также относит к мезолитическому периоду, соотнося ее с соответствующими материалами из Озерного 1, упомянутыми выше [42, с. 247, 249–251, мал. 2:2]. Считается, что на европейском Востоке лось, наравне с северным оленем, был главным промысловым видом начиная уже с верхнего палеолита. Мезолит дает яркие свидетельства культа лося – голова лося, вырезанная на шаманском жезле из Оленеостровского могильника на Онежском озере, а также на лыже из Висского I тор-

фяника в Северном Приуралье [48, с. 90–91].

Занимая центральное место в производственном культе древних охотников, лось почитался также и в качестве племенного тотема. Многими древними племенами Урала и лесной зоны он, согласно В. А. Оборину, почитался даже наравне с медведем [61, с. 25]. Как недавно выяснилось, буквально все современные жители Европы являются потомками не только местных охотников-собираателей и древних фермеров – выходцев с Ближнего Востока, но еще одной, третьей, группы, ранее здесь генетически не известной. Это некие «северные евразийцы», часть которых двинулись не на запад, а на восток, вообще покинув свой материк и переселившись в Америку. Там культ лося сохранился не только у лесных, но даже у степных племен, например, у апачей [101, р. 409–413; 55, с. 70]. Таким образом, мезолитическое тотемное изображение из белорусского Озерного теоритически может являться неким пиктографическим выражением племенного (этнического) самосознания потомков именно этих пришельцев с северо-востока. Однако, каков именно был этнос этих «людей лося», к сожалению, невозможно установить. Лингвист Н. Д. Андреев предполагает даже существование в эпоху мезолита некоего «бореального языка», возникшего в западной Украине, т. е. относительно недалеко от Центральной Беларуси [3, с. 3–18].

В среде финно-угров Поволжья почитание лося сохранялось вплоть до этнографической современности. Например, у марийцев он высту-

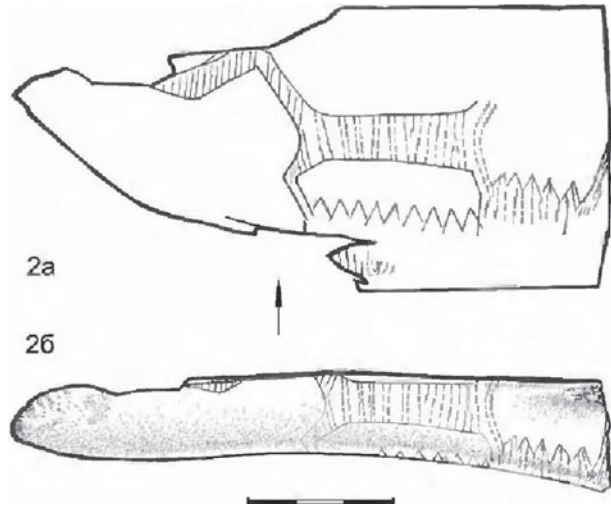

Рис. 2. Озёрное 2Б. Зооморфное изображение на птичьей кости (по Н. Н. Кривальцевичу): 2а – развёртка изображения; 2б – кость с рисунком, общий вид

пает как тотем-охранитель, ведь помещение его черепа над жилищем должно было гарантировать тому сохранность [17, с. 10–11]. В финно-угорской мифологии весьма популярным персонажем также была водоплавающая птица, в том числе утка. На этом основывался М. М. Чернявский, пытавшийся придать именно финно-угорскую интерпретацию практически всем утиным изображениям на неолитической керамике из Беларуси, в том числе из ее центральной части. На одном из горшковых обломков с поселения 9 у д. Русаковичи Столбцовского р-на Минской обл. имеется очень стилизованный силуэт утки (?), выпол-

ненный мелкими наколами по сырой глине еще до обжига (рис. 3, 1). По мнению М. М. Чернявского, такие изображения в центральном и южном регионах Беларуси появились под влиянием усвятской археологической культуры. Занимая вконец IV – середине III тыс. до н. э. Витебщину, она полностью покрывает имеющуюся там зону реликтовой финно-угорской гидронимии. Наконец, этноопределяющее значение неолитических рисунков уток на керамике аргументировалось М. М. Чернявским и тем, что они встречаются почти исключительно в зоне прибалтийско-финских племен. Однако атрибуции подобных рисунков

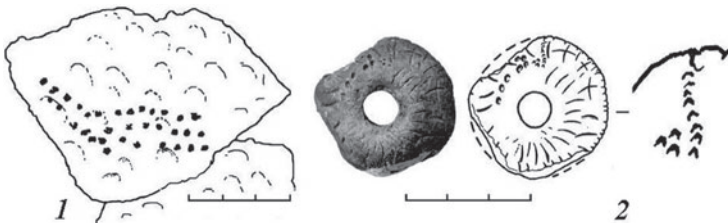

Рис. 3. Стилизованное изображение утки, Русаковичи 9 (1); птицеобразный знак, Дрозды (2) (по М. М. Чернявскому)

в качестве этноопределяющего элемента противоречило наличие птицеобразного, по мнению того же автора, знака на одном из пряслиц с селища середины – второй четверти I тыс. до н. э. около упомянутой выше д. Дрозды, явно не принадлежащего к кругу финно-угорских древностей (рис. 3, 2) [90, с. 68–71, мал. 1–2].

Итак, использование, аргумента «наложения» археологического ареала на гидронимический, в этом случае финно-угорский, по-видимому, вновь не привело к корректному результату. Известно, что культ утки не является исключительно финно-угорским этноопределяющим признаком. Следы этого культа довольно отчетливы, к примеру, также и у балтов. Например, у литовцев известен сюжет о перевоплощении души покойницы в эту птицу, связанную с подземным миром, а следовательно, с умершими вообще и с предками в частности [41, с. 256]. Другое дело, если мы прибегнем к аргументу совсем иного свойства – будем основываться на таком надежном историческом источнике, как Тацитова «Germania». «У финнов, – писал Корнелий Тацит в конце I в. н. э., – поразительная дикость, жалкое убожество; у них нет ни оборонительного оружия, ни лошадей, ни постоянного крова над головой; их пища – трава, одежда – шкуры, ложе – земля; все свои упования возлагают они на стрелы, на которые из-за недостатка в железе насаживают костяной наконечник. Та же охота доставляет пропитание как мужчинам, так и женщинам; ведь они повсюду сопровождают своих мужей

и претендуют на свою долю в добыче. И у малых детей нет другого убежища, кроме кое-как сплетенного из ветвей и дающего им укрытие шалаша; сюда же возвращаются финны зрелого возраста, здесь же пристанище престарелых» [40, с. 353]. Несомненно, к Тацитовой характеристике финнов следует подходить критически, поскольку автор здесь явно выступает в роли скорее моралиста, чем этнографа. Тем не менее представляется вполне возможным выявить некие реальные основы его рассказа об этом племени (на территории Витебщины, а также соседней с нею Смоленщины, входивших в ареал днепро-двинской археологической культуры). Несмотря на то, что она относится уже к эпохе железа, ее носителями еще в первых веках нашей эры широко употреблялись орудия охоты с наконечниками как раз из кости – копья, дротики, стрелы, гарпуны. В белорусской части ареала были в ходу даже каменные топоры. Исследователи справедливо говорят о застойности этой культуры, в которой железо долго не могло одержать полной победы [94, с. 132; 91, с. 31]. Такая локализация Тацитовых финнов, видимо, подтверждается также и Птолемеем, у которого «ниже», значит, южнее «венедов по всему Венедскому заливу» помещены гитоны на западе и финны (finni) на востоке [38, с. 236]. Если Птолемеевым венедам принадлежало балтийское побережье, то его финны могут быть помещены, на наш взгляд, также и в бассейне Западной Двины. Предполагается, что здешние финны, под летописным именем норова (неро-

ма), сохраняли свою самобытность даже в раннесредневековую эпоху [19, с. 22–24]. Получается, что вполне надежные доказательства теории М. М. Чернявского о финно-угорской принадлежности какой-то части носителей неолитических культур, занимавших также и центральную часть современной Беларуси, все же нашлись (рис. 4).

Как известно, неолитизация в Европе началась еще в VI тыс. до н. э. в результате притока древних фермеров – выходцев из так называемого плодородного полумесяца на Ближнем Востоке. Именно оттуда в Европу попал не только молочный скот, но и переселенцы с генетиче-

ски обусловленной способностью усваивать лактозу [102]. С другой стороны, согласно упомянутым уже результатам исследования ДНК одного погребенного в испанской пещере Ла Бранья-Аринтеро представителя коренного мезолитического населения юго-западной Европы, эти люди не обладали способностью усваивать не только молоко, но также и крахмал [100, р. 225–228]. Согласно Б. Сайксу, «никакого сокрушительного вытеснения одних людей другими не было. Молодой кластер составляет самое большое 20% современных европейцев» [76, с. 153–154]. Актуальные региональные данные эту общую картину де-

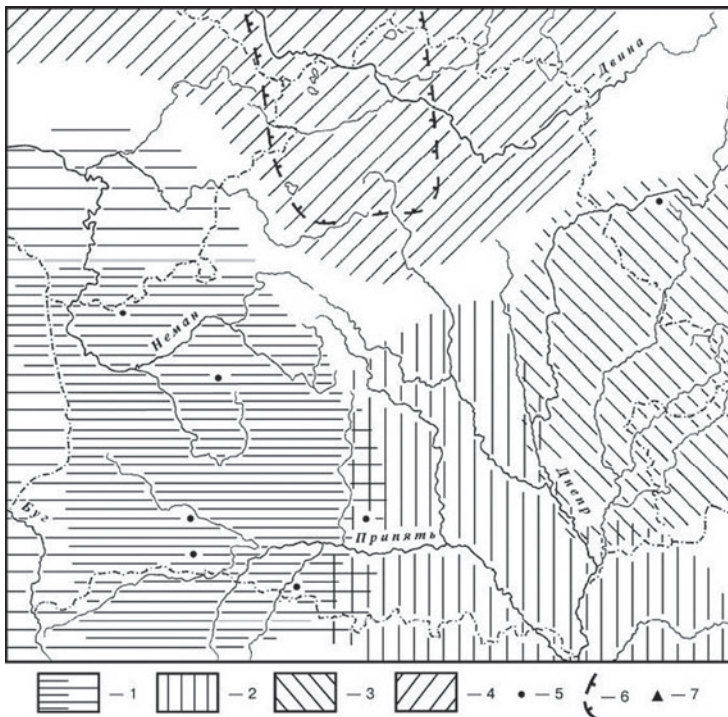

Рис. 4. Неолитические культуры в Беларуси (по М. М. Чернявскому):
 1 – припятско-неманская и неманская; 2 – днепродонецкая; 3 – верхнеднепровская;
 4 – нарвская; 5 – шаровидных амфор; 6 – гребенчато-ямочной керамики

Содержание

Введение (Гурко А. Вл.).....	3
1. Ранняя этническая история Центральной Беларуси (Рассадин С. Е., Рассадина Я. С.).....	10
2. Этноконфессиональная история Центрального региона Беларуси	44
2.1. Этноконфессиональная история Центрального региона Беларуси (X – конец XX в.) (Гурко А. Вл.)	45
2.2. Этноконфессиональная история Центральной Беларуси в 1990-х гг. – начале XXI в. (Гурко А. Вл.)	131
3. Материальная культура Центральной Беларуси	210
3.1. Историко-культурный ландшафт Центральной Беларуси (Грунтов С. В.)..	211
3.2. Костюм населения Центральной Беларуси (конец XIX – середина XX в.) (Ракова Л. В.)	234
3.3. Головные уборы населения Центральной Беларуси (конец XIX – начало XXI в.) (Мацулько О. А.).....	272
3.4. Традиции обрядово-праздничного питания населения Центральной Беларуси (конец XIX – начало XXI в.) (Бохан Л. В.).....	288
3.5. Традиции повседневного питания белорусов, русских, татар, украинцев, евреев в Центральном регионе Беларуси (XX – начало XXI в.) (Бункевич Н. С.)	300
4. Праздники, обычаи и обряды народного календаря Центрального региона (Минщины) (Кухаронак Т. И.)	332
5. Этнодемографическая характеристика населения Центральной Беларуси на советском и современном этапах (Романенко И. В.)	370
6. Семья и семейные традиции в Центральной Беларуси в XIX–XX вв. (Ракова Л. В.)... 388	
7. Новые этнические группы, миграционные процессы, национально-культурные объединения Центральной Беларуси	406
7.1. Миграционная ситуация в г. Минске и Минской области (Сакума С. Л.)	407
7.2. Закономерности распространения в Беларуси китайских психофизических практик в 1980–2014 гг. (Гурко А. Викт.).....	419
7.3. О некоторых тенденциях влияния китайских традиций на развитие праздничной культуры Беларуси в конце 1980–2000-х гг. (Гурко А. Вл.)	435

7.4. Закономерности распространения в Центральной Беларуси китайского декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов в 1980–2015 гг. (<i>Прокофьева Ю. С.</i>)	447
7.5. Особенности адаптации выходцев из Средней Азии в Беларуси (<i>Сакума С. Л., Прокофьева Ю. С.</i>)	463
7.6. Традиции повседневного питания представителей некоторых этнических общностей в Центральном регионе Беларуси (<i>конец XX – начало XXI в.</i>) (<i>Бункевич Н. С.</i>)	498
8. Театральная культура Минска (<i>Ярмолинская В. Н.</i>)	514
Заключение (<i>Гурко А. Вл.</i>)	534

Научное издание

Гурко Александра Владимировна
Ракова Любовь Васильевна
Кухаронак Татьяна Ивановна

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

Редактор *Т. А. Горбачевская*
Художественный редактор *Т. Д. Царева*
Технический редактор *О. А. Толстая*
Компьютерная верстка *Л. И. Кудерко*

Подписано в печать 06.04.2016. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 48,88. Уч.-изд. л. 39,1. Тираж 300 экз. Заказ 71.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.